

УДК 94(47).084.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V126

*ПАШИН Василий Петрович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. Автор 173 научных публикаций, в т. ч. 14 монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0357-8970>

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 1920-е годы

В статье на основе документов Центрального архива Службы внешней разведки РФ и Государственного архива РФ, анализируемых на базе антропологического подхода, дается характеристика общей картины настроений белой эмиграции на Дальнем Востоке в период 1920-х годов. Изученные архивные документы включают агентурные сообщения пекинской и шанхайской резидентур Иностранного отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), сводки и аналитические справки Контрразведывательного отдела ОГПУ, отчеты оперативных работников Иностранного отдела ОГПУ, официальные и личные письма, отчеты и переписку высшего белогвардейского руководства, сообщения китайских газет. Указываются общее количество вынужденных эмигрантов на Дальнем Востоке, их дислокация. Рассматриваются причины эмиграции российских граждан в Китай, их специализация в мирный период пребывания на территории отечественного государства. Описываются попытки враждебных СССР государств вовлечь белоэмигрантов в антисоветскую деятельность и причины их неудач. Демонстрируется стремление белоэмигрантов объединяться в организации с целью культурного и иного общения в родственной среде и взаимной моральной и материальной поддержки. Обосновывается вывод, что догма о непримиримости классовых интересов повлияла на тенденциозный подбор информации о белой эмиграции, ее всеобщей «враждебности» к СССР. Утверждается, что большинство белоэмигрантов, включая и часть руководящего состава, желали вернуться на Родину. Эта мысль подтверждается не только содержанием аналитических информационных справок, составляемых секретными агентами ГПУ-ОГПУ, но и результатами исследований, проводимых по заказу высшего белоэмигрантского руководства за рубежом в 1920-е годы.

Ключевые слова: белая эмиграция, Китай, Дальний Восток, Гражданская война в России, просоветские настроения, патриотизм.

*Адрес: 305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 29; e-mail: pashinvp@mail.ru

Для цитирования: Пашин В.П. Политические настроения белой эмиграции на Дальнем Востоке в 1920-е годы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 5. С. 13–23. DOI: 10.37482/2687-1505-V126

В современной исторической науке все большую популярность набирает антропологический подход к исследованию исторических событий, в центре которого решается вопрос «что есть человек как существо биологическое, социальное и культурное». Социальные отношения при этом раскрываются на уровне связей между людьми: «я» и «ты», «мы» и «они» [1, с. 203–204]. При подобном подходе центральным является вопрос цены, а не только результата.

Общее отношение советской историографии к вынужденным эмигрантам 1920-х годов было однозначно отрицательным. Отдельные сочувственные вкрапления не меняли общей картины. В конце 1980-х – начале 1990-х годов ситуация стала диаметрально противоположной. Белоэмигранты превращались в мучеников ненавистной советской истории, а победившие в Гражданской войне большевики – антихристовым исчадием. Доказательством данного тезиса может служить переизданная в эти годы книга насильно высланного из страны в 1922 году С.П. Мельгунова [2]: собравшее воедино факты откровенно негативных и даже уголовных действий ряда представителей большевиков, нередко без должной характеристики событий и причин, их породивших, произведение представляет довольно мрачную картину рождения советской власти.

В гражданской войне нет победителей и побежденных. Оправдание гражданской войне ищут победители. Но события, которые происходили после окончания Гражданской войны в России, когда появилось время для осмысления недавно прошедших кровавых событий, требуют глубокого современного анализа на основе антропологического подхода, а не классово-партийного и формационного. По прошествии многих десятков лет историография о белой эмиграции наметила пути прекращения сведения счетов, пытается найти точки соприкосновения (хотя бы на «бумажном» поле) по вопросам глобального масштаба. Этот процесс четко стал проявляться с середины 1990-х годов.

Тема белой эмиграции на Дальнем Востоке в настоящее время интенсивно исследуется.

Анализу подвергаются различные сферы жизни и действий белых эмигрантов. Первоначально историографы охватывали достаточно широко деятельность белой эмиграции, как географически, так и организационно [3, 4]. Бесспорно, новые подходы к оценке Гражданской войны и эмиграции были заложены В.И. Голдиным [5, 6]. Его исследования по истории Гражданской войны, российского зарубежья определили общую канву подходов к указанной теме. В последнее время идет процесс регионализации, анализируются отдельные направления деятельности. Все большее внимание привлекают быт белоэмигрантов, их трудовая деятельность, вероисповедание, культурная жизнь, судьбы отдельных эмигрантов [7–11]. Вне сомнения, подобный подход достаточно продуктивен. Так, Г.В. Мелихов, М.В. Кротова, С.В. Смирнов [12–14] многопланово рассматривают положение белой эмиграции на Дальнем Востоке в сложный период 1920-х годов, показывают процессы советизации русского населения в Маньчжурии, конкретные судьбы и биографии белоэмигрантов. Однако элементы классового подхода, взгляд победителей на побежденных еще не изжиты в полном объеме.

Активно исследуют проблему белогвардейской эмиграции на Дальнем Востоке и китайские ученые [15, 16]. Доказательством данного тезиса может служить книга Н.А. Василенко, посвященная анализу китайской историографии [17].

Целью настоящей статьи является выяснение общих настроений основной массы белоэмигрантов на Дальнем Востоке через обобщение их индивидуальных политических взглядов.

О количестве эмигрантов на Дальнем Востоке можно судить по докладу генерал-майора Русского (Ковалевского) бывшему великому князю Николаю Николаевичу от 20 декабря 1924 года [18, л. 47–47 об., 48 об., 49–50]. Доклад достаточно пространственный, но по-военному сухой и лаконичный. Он сообщает не только об общей численности российской эмиграции, но и об их рассредоточении по городам и провинциям

Китай. Общая численность белоэмигрантов составляла (на момент подготовки доклада) 250–300 тыс. чел., среди которых военнослужащих было приблизительно 100 тыс. чел., из них 30–40 % – офицеры, в подавляющем большинстве – еще военного времени. Обращает на себя внимание фраза «офицеры военного времени». Позднее из других источников становится ясно, что имелись в виду военнослужащие – участники Первой мировой войны. Основная масса эмигрантов (до 270 тыс. чел.) расселились в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги (КВЖД).

Анализируя общий настрой белой эмиграции на Дальнем Востоке, генерал-майор Ковалевский делает вывод «о крайне тяжелых условиях жизни военных в Китае» ввиду «беспросветности» военно-политической обстановки и чужеродной культуры. Поэтому, согласно докладу, предел мечтаний почти каждого белоэмигранта – эмигрировать в Европу, Америку, Австралию, Мексику, Бразилию, Аргентину: «Из Шанхая и Тяньцзина каждый пароход уносит все новые и новые волны эмигрантов» [19, л. 75].

Через несколько лет, к осени 1927 года, на Дальнем Востоке останется около 100 тыс. эмигрантов, из которых 73 % – мужчины [20, л. 137–145]. В основном они по-прежнему проживали на территории Китая (около 90 тыс. чел.), прежде всего в Трехречье, в трех восточных провинциях, в городах Шанхай и Сяньцзян.

В целях выживания белоэмигранты объединялись в организации самых различных толков: Союз офицеров г. Харбина, который имел собственную столовую и библиотеку; охранные отряды, в распоряжении которых были реальные гимназии; Союз инвалидов; Союз Георгиевских кавалеров и мн. др. К 1929 году в г. Харбине, по нашим подсчетам, существовало 46 таких организаций [21, л. 19–20]. В г. Шанхае присутствовали: Союз военнослужащих, располагавший своим общежитием и церковью, Союз морских офицеров, Комитет по защите прав и русских интересов в Шанхае, а также несколько достаточно многочисленных военизированных отрядов, возглавляемых генерал-лейтенантом

Глебовым, генерал-майорами Анисимовым и Лебедевым, и другие отряды, насчитывающие по несколько десятков человек.

Однако только единичные организации реально функционировали и оказывали взаимопомощь. Большая часть из них значилась только на бумаге, т. е. существовали номинально. Нередко рядовую белоэмигрантскую массу вовлекали в полувоенные организации через обещания повышения в звании и оказание материальной помощи. Но большинство организаций никого не объединяли, кроме «эмигрантских штабов» [22, л. 244–253]. Полученное новое звание не давало реальных материальных благ, а вскоре и звания, полученные в эмиграции, вообще утратили былую привлекательность.

Среди беженцев было немало лиц, эмигрировавших в Китай по причине паники, увлекаемых примерами ухода более или менее энергичных правых деятелей. Часть из них, участвуя в Гражданской войне, не были задействованы в карательных операциях против мирного населения. Так, в одной из информационных справок полковника Н.В. Колесникова утверждалось, что основная масса белой эмиграции «не являлась той непримиримой массой русского населения, не могущей ни в коем случае помириться с большевизмом» [18, л. 15–16].

Анализ документов показывает, что и многочисленные организации явно выраженного правого толка, о которых Колесников говорил как о патриотах России, не отличались чистоплотностью и единством действий. Так, тот же полковник Колесников, анализируя положение военной эмиграции в Маньчжурии в конце 1925 года, при характеристике известных руководителей употребляет достаточно нелицеприятные оценки: «С глубокой печалью вижу, как на кафедре государственных деятелей один за другим всходили честолюбивые, эгоистичные и мелкие душою люди, знающие только одного себя, свое собственное благополучие и быстро отметающиеся от тех несчастных одурманенных ими людей, которые в свое время, доставляя им, имя и славу, кладя без счета свои жизни, остались забытыми и брошенными на произвол» [19, л. 75].

Рассуждая о перспективах создания бое-способных вооруженных отрядов для борьбы с Советской Россией, Колесников отмечал, что эмигранты вряд ли вернутся в ряды армии. В армию могли вернуться только окончательно деградировавшие, не способные ни к какой мирной профессии (извозчиков, носильщиков, конторщиков, типографов, наборщиков, переплетчиков, приказчиков, газетчиков, стражников, агентов, смазчиков, кочегаров и другим перечисляемым им мирным профессиям, доступным эмигрантам в Китае) и полностью утратившие перспективы в мирной жизни. В отчете Колесников называл организации, насчитывающие якобы по несколько тысяч человек, расположенные на китайской территории и проинспектированные им, но совершенно не способные к боевым действиям. Вся связь между белоэмигрантами являлась чисто номинальной и, скорее, определялась местом их проживания. Более или менее организованной группой он называл отряд генерала Глебова и еще несколько «крошечных партизанских отрядов».

Аналогичную оценку деятельности уже харбинских правых организаций в том же году давал генерал А.С. Лукомский, отмечавший отсутствие сплоченности и организованности как между ними, так и внутри них, между членами общества. Большинство руководителей, писал Лукомский, преследуют только личные цели, а выделяемые денежные средства на антисоветскую пропагандистскую работу разворовываются. В качестве вывода об их эффективности он пишет следующее: «Вся работа сводится к нулю» [23, л. 274–275].

На основе вышеперечисленных документов можно заключить, что к середине 1920-х годов региональное белое движение как организованная массовая сила окончательно сошло на нет. При этом от военной деятельности против СССР отходил не только рядовой, но и руководящий состав белой эмиграции, а часть ее желала перейти на сторону советской власти. В кратком письме атамана Г.М. Семенова послу СССР в Китае Л.М. Карахану от 20 января 1925 года сообщалось о его желании служить

советскому государству [24, л. 163]. В другом письме он уже заявлял о стремлении не только лично перейти на сторону советской власти, но и увести с собой значительную часть белой эмиграции [24, л. 108–109]. Однако анализ содержания письма показывает, что Семенов пытался разговаривать с оппонентом на равных. Так, он говорит не о своей персональной вине в участии в Гражданской войне, а о «злом роке судьбы, ввергшем народы в братоубийственную бойню», где он лишь выступал на стороне одной из противоборствующих сил, приводит факты попыток установления связи с представителями командования Красной армии еще в 1920 году. Еще более четко и эмоционально свое отношение к Гражданской войне атаман Семенов высказал в своем знаменитом обращении к военным эмигрантам в Маньчжурии в декабре 1926 года: «Рассеялся дым гражданской войны, и все мы, глядя на недавние дни, дни битв, где шли брат на брата, отец на сына, следуя, как бы путями предвещенными апокалипсисом, забыв одно главное, что ни для кого из нас не являлось пустым звуком, – это мать-родину нашу, понимая ее желание каждый по-своему. Отсутствие единства понимания долга было причиной того, что у нас были партии, были заботы о проведении их программы в жизнь, но никто не думал о родине, о народе» [25, л. 59].

В письме к Карахану Г.М. Семенов показывает, что иностранные державы (Япония, Китай) стремятся под видом помощи извлечь стратегические выгоды в отношении России – «истощить Россию». Как военный стратег он пишет, что западные державы, используя белогвардейский элемент в Китае, пытаются начать полномасштабную операцию на Дальнем Востоке, бросив в огонь войны российских соотечественников. А он, как гражданин России, не может спокойно реагировать на гибель однополчан, которых западные державы просто «утилизируют» и «выбросят за борт без всякого сожаления».

Взгляды одного из первой пятерки лидеров белой эмиграции в Китае демонстрируют общее настроение большинства белоэмигрантов, их фактическую готовность перейти

на сторону советской власти, забыв свое недавнее прошлое. Но победители жаждали мести. Не удовлетворенный письмами к советским представителям власти в Китае, атаман Семенов добивается личной встречи с агентом Иностранного отдела ОГПУ [24, л. 72–74].

К сожалению, и эта попытка наладить доверительные отношения с советскими органами не увенчалась успехом. Из отчета агента следовало полное нежелание привлекать на сторону советского государства бывших белогвардейцев как врагов советской власти. Права на исправление «ошибки» советским государством не предоставлялось. Слова атамана Семенова о примирении, объединении вер, исповедания агент ОГПУ называет «чепухой».

Вместо дальнейшей разработки идеи по привлечению значительного слоя белой эмиграции на сторону советского государства, он в качестве вывода бездоказательно пишет, что Семенов является агентом японской разведки и занимается сбором даже мелких сведений о Советской России. Он оценивает Семенова как ничтожную фигуру, подобно Хлестакову «напускающую всякий туман», предлагая вообще прервать любые с ним отношения. Хотя из письма хорунжего А. Кулакова войсковому старшине А.С. Новикову в декабре 1926 года следует, что атаман Семенов пользовался полной поддержкой белой эмиграции, находящейся в г. Чаньчунь. Все существующие в Шанхае белые политические организации и группировки поддерживали Семенова. Его авторитет был высок не только на русском Дальнем Востоке, но и в Монголии, Китае [26, л. 124–128]. Семенова поддерживало большинство не только эмиграции Трехречья (70 тыс. чел.), но и всей дальневосточной эмиграции.

Высокопоставленным офицером белой армии в эмиграции являлся генерал Генерального штаба Иван Матвеевич Зайцев [27, л. 95–97]. Принятый советской стороной на службу в Красную армию, вскоре он был уволен из ее рядов. Его работу свели к написанию писем, статей для публикации в дальневосточной прессе. Если первоначально подобные обращения

имели успех в рядовой белоэмигрантской массе, то уже после отставки генерала Зайцева белая пресса стала приводить его в качестве негативного примера отношения советской власти к белым эмигрантам, даже раскаявшимся.

Другой атаман, генерал-майор Анисимов, угнавший корабль в советские территориальные воды в мае 1925 года, также утверждал, что большое число эмигрантов принадлежат к числу «честных и порядочных русских людей», «давно ушедших от всякой политики», и только ничтожная часть «готовы залить Россию снова кровью» [28, л. 57–59].

Однако советская контрразведка, руководствуясь идеями непримиримости классовых интересов, настойчиво пропагандировала идею восстания внутри СССР силами возвращенцев-эмигрантов [25, л. 102–108]. При этом негативное отношение со стороны советской власти распространялось не только на профессиональных военных. В одной из сводок об эмигрантских политических группировках 1927 года генерал-майора И. Шильникова в Северной Маньчжурии, перехваченных советской разведкой, сообщалось, что среди находившихся там эмигрантов было очень много врачей, офицеров технических войск, военных инженеров, лиц, знакомых со службой на железной дороге, в паромоходе, которые вряд ли являлись активными участниками Гражданской войны [29, л. 299–311]. Вне сомнения, учитывая острую нехватку кадров высшей квалификации в Советской России в 1920-е годы, подобные профессионалы были бы весьма кстати.

Доказательством того, что белая эмиграция не намеревалась организованно и массово выступить против Советской России, может служить достаточно пространная сводка от 1926 года Иностранного отдела ОГПУ о попытках организации на Дальнем Востоке похода против советской власти [30, л. 94–95]. Сообщалось, что генерал Лохвицкий прилагал титанические усилия по добыванию средств у правительств и высших чинов Франции и Англии для организации восстания на Дальнем Востоке. Однако все его усилия пропали даром, ибо западная разведка через источники европейской белой

эмиграции прекрасно была осведомлена и о возможностях генерала Лохвицкого по организации восстания, и о настроениях рядовой белой эмиграции, окончательно «отошедшей от военной службы». В лучшем случае они могли сформировать небольшие банды для грабежей мирных жителей приграничных сел, но никак не представлять организованную военную силу. (Более подробно этот вопрос освещен в нашей статье [31].)

Высшее руководство белой эмиграции, не утратившее своей ненависти к советской власти, достаточно скептически смотрело на попытки организовать набеги на советскую территорию, предрекая подобным замыслам неудачу, оценивая их как «вести на убой белую молодежь» [32, л. 94]. Генерал Хорват, проинспектировавший политическую обстановку на Дальнем Востоке, в докладе великому князю Николаю Николаевичу в декабре 1927 года [33, л. 16–28] делает довольно пессимистические выводы по поводу перспективы вовлечения белой эмиграции в войну против СССР. В сердцах он отмечает, что на Дальнем Востоке «нет политических вождей или даже лидеров. Все бездарно и бесцветно... Называют некоторые фигуры: Семенов, Гондатти, Меркулов, Нечаев... но о них лучше не говорить... все они работают не ради идей, не ради русского народа, а ради собственной шкуры. Есть мертворожденные организации: беженский комитет, союзы военнослужащих, братство крестносцев, русское собрание и еще много других с крикливыми названиями, но все это какие-то самовыборные ячейки ниже средних людей, возглавляемые какими-то прощелыгами. Влачат жалкое существование».

Даже после убийства Войкова, серии других террористических актов 1927 года Тяньцзиньская фашистская организация не смогла организовать хотя бы небольшую боевую группу для совершения террористических актов по причине внутренних разногласий [34, л. 152–153], не смогла даже выработать единые взгляды в отношении СССР. Их большинство решительно отвергало участие в войне против СССР на стороне Англии, Японии или какой-

либо еще иностранной державы. Различного рода организации, существовавшие в Северной Маньчжурии, как сообщалось в одной из сводок агентов ОГПУ, не поддерживали эмигрантов, активно борющихся с большевизмом. Их лидеры только на словах стояли на платформе борьбы с большевизмом, а часть вообще придерживались социалистических взглядов. Так, генерал Загоскин за свою деятельность был даже арестован китайскими властями и предан назначен к высылке в Советскую Россию [29, л. 299–311].

Вовлечение в вооруженные отряды фактически превратилось в спекулятивную куплю-продажу живого товара, где, например, под выделяемые 100 долл. за одного завербованного солдата непосредственно до него доходило всего 5 долл. [25, л. 62], а всякого рода организации, создаваемые с целью поднятия восстаний на территории Советской России, скорее, существовали на бумаге [35, л. 17–20]. Формально созданные «Общество по изучению военных наук», «Лига борьбы с III Интернационалом» и прочие сразу же наталкивались на противоречия, обусловленные эгоистическими целями их руководителей [25, л. 102–108; 36, л. 331–339].

Систематические информационные справки агентов Иностранного отдела ОГПУ в середине и второй половине 1920-х годов постоянно указывали на желание белой эмиграции вернуться в СССР [34, л. 153]. Обращает на себя внимание тот факт, что белые эмигранты во второй половине 1920-х годов уже не просили для себя практически никаких гарантий. Просьба имела только одна – предоставление бесплатного проезда. Безысходность пребывания за границей достигла своего апогея. Надежды на возвращение в СССР особенно усилились в 1927 году, к 10-й годовщине Октябрьской революции.

В другом сообщении Иностранного отдела ОГПУ в середине 1927 года из Тяньцзиня, где компактно проживала колония до 7 тыс. чел., говорилось, что «эмиграция довольно охотно идет на возвращение в СССР при условии предоставления бесплатного проезда» [34, л. 152].

Всем разговорам о подготовке нападения на СССР организованной белой эмиграции положил

конец Обзор положения белой эмиграции в Маньчжурии, составленный Полномочным Представительством ОГПУ на Дальнем Востоке в марте 1928 года [32, л. 47]. При этом на документе имелась пометка «Сведения заслуживают внимания». Здесь утверждалось, что «ни о какой подготовке к вооруженному выступлению против СССР в настоящее время речи быть не может: нет для этого денежных средств, ни людских контингентов, годных для формирований на территории Дальнего Востока». Далее сообщалось, что лица, устроившиеся на работу, имеющие источники существования, ни на какую авантюру не пойдут: «Исключение составляет несколько десятков людей, не сумевших устроиться материально и готовых кончить свою жизнь, где придется»; если же они и организуются в «1–2–3 шайки, то это явление не может внушать каких-либо опасений».

В Центральном архиве Службы внешней разведки РФ имеется уникальный документ, датированный январем 1927 года, о просоветских настроениях среди белых русских эмигрантов в Харбине, который был составлен пекинской резидентурой Иностранного отдела ОГПУ в связи с известными событиями (провокацией) вокруг КВЖД [25, л. 34]. К этим событиям равнодушной осталась большая часть белой эмиграции. Даже среди правых кругов Харбина сформировалась группа лиц, вставших на защиту национальных интересов России, при этом по-прежнему враждебных в целом к советской власти. Так, они говорили, что переход КВЖД в руки Китая «нанесет непоправимый вред русскому национальному делу». Поэтому на собраниях правых организаций все чаще раздавались голоса «за поддержку советской власти в части национальных интересов страны». Хотя, конечно же, были и другие настроения. КВЖД стала серьезным яблоком раздора в белоэмигрантской среде. На собраниях белых эмигрантов дело доходило даже до потасовок [25, л. 215, 224]. Однако далее проклятий в адрес советской власти дело не двигалось. Вербовка новых рекрутов в белогвардейские отряды для возможной борьбы с Красной армией на случай ее вторжения на территорию Китая

с целью защиты КВЖД практически не дала никаких результатов, а записавшиеся в отряд быстро из него дезертировали. Оперативники ОГПУ приводят следующие цифры: за несколько недель в Харбин было отправлено со всей территории Маньчжурии всего 6 человек.

Велика вероятность, что советские чекисты преувеличивали значение агитационной кампании по вербовке среди русских эмигрантов в Европе и Египте добровольцев в армию Чжан Цзолина (воинственно настроенного против СССР) [37, л. 14–18]. В сводках присутствует информация о проведении подобной работы собственно в Китае, а также в Польше, Франции, Финляндии, Румынии, Бельгии, Литве, Латвии, Эстонии, Германии, Египте. Однако в этих сообщениях отсутствуют данные о количестве завербованных. Агенты из Финляндии приводят следующие слова агитатора: «Опять началась вербовочная горячка, не знаю, найдутся ли люди, хотя платят довольно хорошо, а главное, спаивают». Пожалуй, эти слова в наибольшей степени отражали реальную картину методов и результатов вербовочной кампании.

Таким образом, проанализированные документы однозначно показывают желание большинства белоэмигрантов вернуться в СССР. Отдельные антисоветские выступления не могли повлиять на общую картину настроений вынужденных эмигрантов. Однако именно эти настроения решающим образом отражались в агентурных сообщениях. Почему? Выскажем предположение, что и в этой области выполнялся определенный социальный заказ, сформированный на базе догмы о непримиримости классовых интересов, которая постоянно требовала подтверждений. Проявляется это и в современном отношении к одному из главных лидеров белой эмиграции на Дальнем Востоке. 30 августа 1946 года по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР Г.М. Семенов был приговорен к смертной казни через повешение. 4 апреля 1994 года Военная коллегия Верховного суда РФ реабилитировала его по статьям антисоветской деятельности, оставив другие обвинения без изменений.

Список литературы

1. Соколов А.К. Источниковедение и проблемы исторического синтеза // Проблемы методологии и источниковедения: материалы III науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко, 1–2 декабря 2003 г. / отв. ред. С.П. Карпов. М.: МГУ: Алетей, 2006. С. 200–216.
2. Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918–1923. М.: СП «РУСКО»: «PS», 1990. 208 с.
3. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.
4. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае (1920–1950-е гг.) Хабаровск: Част. коллекция, 2008. 268 с.
5. Голдин В.И. Солдаты на чужбине. Русский Обще-Воинский союз. Россия и Русское зарубежье в XX–XXI вв. Архангельск: СОЛТИ, 2006. 794 с.
6. Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. СПб.: Полтораки; Архангельск: СОЛТИ, 2010. 576 с.
7. Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 567 с.
8. Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.) Омск: ОмГАУ, 2006. 436 с.
9. Ревякина Т.В. Российская эмиграция в Китае. Проблемы адаптации (20–40 гг. XX в.). М.: Ин-т Дал. Востока, 2002. 105 с.
10. Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2018. 486 с.
11. Черкашина С.А. Культурные центры русской эмиграции в Китае // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 1. С. 110–116.
12. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М.: Рус. путь: Викмо-М, 2007. 320 с.
13. Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920-е – 1950-е гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. 536 с.
14. Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (Проблема социальной адаптации). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 228 с.
15. Чжичэн В. История русской эмиграции в Шанхае: пер. с кит. Пань Чэньлонга и др. М.: Рус. путь: Рус. зарубежье, 2008. 576 с.
16. Цзунхуа Ч., Яньхун Ц., Вэньсюань Х. Русская дворянская эмиграция после Октябрьской революции // Ярослав. пед. вестн. 2017. № 5. С. 331–341.
17. Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток: ДВО РАН, 2003. 219 с.
18. Гос. арх. РФ (ГАРФ). Ф. 5826. Оп. 1. Д. 120.
19. ГАРФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 161.
20. Центр. арх. Службы внеш. разведки Рос. Федерации (ЦА СВР РФ). Арх. № 954. Т. 2.
21. ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Т. 4.
22. ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Т. 6.
23. ЦА СВР РФ. Арх. № 107.
24. ЦА СВР РФ. Арх. № 352. Т. 1.
25. ЦА СВР РФ. Арх. № 651. Т. 3–4.
26. ЦА СВР РФ. Арх. № 970. Т. 2.
27. ЦА СВР РФ. Арх. № 16799.
28. ЦА СВР РФ. Арх. № 353.
29. ЦА СВР РФ. Арх. № 970. Т. 3.
30. ЦА СВР РФ. Арх. № 326. Т. 3.

31. Пашин В.П. О масштабах террористических и бандитских действий белогвардейцев-эмигрантов на Дальнем Востоке (середины – вторая половина 1920-х годов) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 5. С. 27–42. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.5.27](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.5.27)
32. ЦА СВР РФ. Арх. № 722. Т. 3.
33. ЦА СВР РФ. Арх. № 953. Т. 2.
34. ЦА СВР РФ. Арх. № 617.
35. ЦА СВР РФ. Арх. № 651. Т. 1.
36. ЦА СВР РФ. Арх. № 629. Т. 1.
37. ЦА СВР РФ. Арх. № 619. Т. 2.

References

1. Sokolov A.K. Istochnikovedenie i problemy istoricheskogo sinteza [Source Study and the Problems of Historical Synthesis]. Karpov S.P. (ed.). *Problemy metodologii i istochnikovedeniya* [Problems of Methodology and Source Study]. Moscow, 2006, pp. 200–216.
2. Mel'gunov S.P. *Krasnyy terror v Rossii: 1918–1923* [The Red Terror in Russia: 1918–1923]. Moscow, 1990. 208 p.
3. Ablazhey N.N. *S vostoka na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae* [From East to East: Russian Emigration to China]. Novosibirsk, 2007. 300 p.
4. Aurilene E.E. *Rossiyskaya diaspora v Kitae (1920–1950-e gg.)* [Russian Diaspora in China (1920–1950s)]. Khabarovsk, 2008. 268 p.
5. Goldin V.I. *Soldaty na chuzhbine. Russkiy Obshche-Voin'skiy soyuz. Rossiya i Russkoe zarubezh'e v XX–XXI vv.* [Soldiers in a Foreign Land. Russian All-Military Union. Russia and Russian Diaspora in the 20th – 21st Centuries]. Arkhangelsk, 2006. 794 p.
6. Goldin V.I. *Rossiyskaya voennaya emigratsiya i sovetskie spetssluzhby v 20-e gody XX veka* [Russian Military Émigrés and Soviet Intelligence Agencies in the 1920s]. St. Petersburg, 2010. 576 p.
7. Balmasov S.S. *Beloemigranty na voennoy sluzhbe v Kitae* [White Émigrés in Chinese Military Service]. Moscow, 2007. 567 p.
8. Malysenko G.I. *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' rossiyskogo kazachestva v dal'nevostochnoy emigratsii (1920–1945 gg.)* [Social and Political Life of Russian Cossacks in Exile in the Far East (1920–1945)]. Omsk, 2006. 436 p.
9. Revyakina T.V. *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae. Problemy adaptatsii (20–40 gg. XX v.)* [Russian Émigrés in China. Adaptation Problems (1920–1940s)]. Moscow, 2002. 105 p.
10. Smirnov S.V. *Russkaya voennaya emigratsiya v Kitae (1920 – konets 1940-kh gg.)* [Russian Military Émigrés in China (1920 – Late 1940s): Diss.]. Yekaterinburg, 2018. 486 p.
11. Cherkashina S.A. *Kul'turnye tsentry russkoy emigratsii v Kitae* [Russian Cultural Émigré Centres in China]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie*, 2009, no. 1, pp. 110–116.
12. Melikhov G.V. *Rossiyskaya emigratsiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na Dal'nem Vostoke, 1925–1932* [Russian Emigration in the International Relations in the Far East, 1925–1932]. Moscow, 2007. 320 p.
13. Krotova M.V. *SSSR i rossiyskaya emigratsiya v Man'chzhurii (1920-e – 1950-e gg.)* [Soviet Union and Russian Émigrés in Manchuria (1920s – 1950s): Diss.]. St. Petersburg, 2015. 536 p.
14. Smirnov S.V. *Rossiyskie emigranty v Severnoy Man'chzhurii v 1920–1945 gg. (Problema sotsial'noy adaptatsii)* [Russian Émigrés in Northern Manchuria in 1920–1945 (the Problem of Social Adaptation)]. Yekaterinburg, 2007. 228 p.
15. Zhicheng W. *Istoriya russkoy emigratsii v Shankhae* [The History of Russian Émigrés in Shanghai]. Moscow, 2008. 576 p.
16. Zonghua Z., Yanhong J., Wenxuan H. *Russkaya dvoryanskaya emigratsiya v Kitae posle Oktyabr'skoy revolyutsii* [The Russian Noble Emigration in China After the October Revolution]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2017, no. 5, pp. 331–341.

17. Vasilenko N.A. *Istoriya rossiyskoy emigratsii v osveshchenii sovremennoy kitayskoy istoriografii* [The History of Russian Émigrés as Covered by Modern Chinese Historiography]. Vladivostok, 2003. 219 p.
18. *State Archives of the Russian Federation (SARF)*. Coll. 5826. Inv. 1. Fol. 120 (in Russ.).
19. *SARF*. Coll. 5826. Inv. 1. Fol. 161 (in Russ.).
20. *Central Archives of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation (CAFISRF)*. Arch. no. 954. Vol. 2 (in Russ.).
21. *CAFISRF*. Arch. no. 722. Vol. 4 (in Russ.).
22. *CAFISRF*. Arch. no. 722. Vol. 6 (in Russ.).
23. *CAFISRF*. Arch. no. 107 (in Russ.).
24. *CAFISRF*. Arch. no. 352. Vol. 1 (in Russ.).
25. *CAFISRF*. Arch. no. 651. Vol. 3–4 (in Russ.).
26. *CAFISRF*. Arch. no. 970. Vol. 2 (in Russ.).
27. *CAFISRF*. Arch. no. 16799 (in Russ.).
28. *CAFISRF*. Arch. no. 353 (in Russ.).
29. *CAFISRF*. Arch. no. 970. Vol. 3 (in Russ.).
30. *CAFISRF*. Arch. no. 326. Vol. 3 (in Russ.).
31. Pashin V.P. The Scale of Terrorist and Gang Activities of White Émigrés in the Far East (Middle – Second Half of the 1920s). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 5, pp. 27–42. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.5.27](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.5.27)
32. *CAFISRF*. Arch. no. 722. Vol. 3 (in Russ.).
33. *CAFISRF*. Arch. no. 953. Vol. 2 (in Russ.).
34. *CAFISRF*. Arch. no. 617 (in Russ.).
35. *CAFISRF*. Arch. no. 651. Vol. 1 (in Russ.).
36. *CAFISRF*. Arch. no. 629. Vol. 1 (in Russ.).
37. *CAFISRF*. Arch. no. 619. Vol. 2 (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V126

Vasilij P. Pashin

Kursk State University;

ul. Radishecheva 29, Kursk, 305000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0357-8970> e-mail: pashinvp@mail.ru

POLITICAL SENTIMENTS OF WHITE ÉMIGRÉS IN THE FAR EAST IN THE 1920s

Based on the documents from the Central Archives of the Foreign Intelligence Service of the Russian Federation and the State Archives of the Russian Federation, analysed in line with the anthropological approach, this article describes in broad outline the sentiments of white émigrés in the Far East during the 1920s. The archival documents include informant reports from the Beijing and Shanghai residencies of the Foreign Department of the Joint State Political Directorate (OGPU), summaries and analytical

For citation: Pashin V.P. Political Sentiments of White Émigrés in the Far East in the 1920s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 5, pp. 13–23. DOI: 10.37482/2687-1505-V126

reports of the Counterintelligence Department of the OGPU, reports of operational officers of the Foreign Department of the OGPU, official and personal letters, reports and correspondence of top White Guard leaders, and reports from Chinese newspapers. The paper specifies the total number and location of exiles in the Far East. Further, it dwells on the reasons for Russian citizens' emigration to China and mentions their peacetime occupations in Russia. Moreover, the article describes the attempts of foreign adversaries to involve white émigrés in anti-Soviet activities and the reasons for their failures. It is shown that white émigrés formed organizations for the purpose of cultural and other communication in a kindred environment and for mutual moral and material support. A conclusion is substantiated that the dogma of the irreconcilability of class interests influenced the tendentious selection of information about white émigrés, about their general "hostility" towards the Soviet Union. In addition, it is alleged here that the majority of white émigrés, including some of their leaders, wanted to return to their homeland. This conclusion is based not only on analytical information reports compiled by secret agents of the GPU-OGPU, but also on surveys initiated by top white émigré leaders and carried out abroad in the 1920s.

Keywords: *white émigrés, China, Far East, Civil War in Russia, pro-Soviet sentiments, patriotism.*

Поступила 24.04.2021

Принята 14.10.2021

Received 24 April 2021

Accepted 14 October 2021